

Заговор «пажей» против Александра Великого (327 г. до н.э.)

The Pages' Conspiracy against Alexander the Great (327 BC)

Осокина С.А.

Студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: st064975@student.spbu.ru

Osokina S.A.

Student of the Institute of History, Saint Petersburg State University
e-mail: st064975@student.spbu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена заговору «пажей» – одному из самых значимых оппозиционных выступлений против Александра Великого. Автор ставил перед собой задачу выяснить причины, которые привели знатных юношей к заговору, проследить ход событий и определить значение этого выступления в контексте похода Александра Великого и проводимой им восточной политики.

Ключевые слова: Александр Великий, заговор пажей, Гермолай, восточная политика, македонская оппозиция, Каллисфен.

Abstract

This article is dedicated to the Pages' Conspiracy – one of the most significant opposition actions against Alexander the Great. The author set herself an objective of finding out the reasons that led the royal youths to a conspiracy, tracing the course of events and determining the significance of this plot in the context of the campaign of Alexander the Great and his eastern politics.

Keywords: Alexander the Great, Pages' Conspiracy, Hermolaus, eastern politics, Macedonian opposition, Callisthenes

Среди всех сюжетов, связанных с личностью Александра Великого, вопрос об оппозиции, несомненно, представляет интерес для изучения. Эта проблема важна для понимания осуществляемой Александром внутренней политики, мероприятия которой были направлены на синтез греко-македонских и восточных традиций. Подобный курс вызвал неоднозначное отношение со стороны македонян, что нашло свое отражение в виде недовольства и даже в ряде спланированных заговоров. Данная работа посвящена заговору «пажей», раскрытому незадолго до индийского похода. Отсюда можно заключить, что заговор был организован знатными юношами весной 327 г. до н.э. с целью совершить цареубийство. Основными источниками по этому сюжету будут сочинения Флавия Арриана (I – II вв. н.э.) и Квинта Курция Руфа (I в. н.э.), дополняющие друг друга. Очень краткие записи в данной связи содержатся у Плутарха (I – II вв. н.э.).

Институт «пажей» был создан, по-видимому, еще Филиппом (*Curt.*, VIII, 6, 2–6; *Arr. Anab.*, IV, 13, 1). «Пажи» набирались из детей македонской знати. Достигшие юношеского возраста, они зачислялись на службу к царю. Несмотря на их возраст, Александр относился к ним как к взрослым. Знатные юноши обязаны были осуществлять личную охрану царя, сопровождали его на военных состязаниях, охоте [4, p. 227-228]. Курций указывает, что пажи имели право есть за одним столом с царем. Число самих пажей у исследователей вызывает споры. Что касается их обучения, то они получали военное и гуманитарное образование, в частности, посещали философские занятия Каллисфена. О жизни этого человека мы мало что

знаем. Грек по происхождению, он воспитывался под опекой Аристотеля, но не был ни соучеником, ни учителем Александра [3, p. 226-228]. Каллисфен был несколько старше последнего. При македонском царе он работал придворным историографом. Арриан упоминает, что Каллисфен из Олинфа, ученик Аристотеля, не одобрял восточные устремления царя, а значит, мог повлиять на своих учеников (*Arr. Anab.*, IV, 10, 1). Таким образом, пажи действительно были приближены к царю. Среди этой привилегированной группы молодежи и возник план покушения на жизнь Александра.

Античные авторы сходятся в том, что поводом для заговора послужил личный мотив одного из «пажей» – Гермолая, сына Сополида. Арриан замечает, что этот юноша интересовался философией и питал уважение к учителю Каллисфену. Согласно источникам, основанием для выступления Гермолая стали события, произошедшие во время охоты (*Curt.*, VIII, 6, 7; *Arr. Anab.*, IV, 13, 2). Юноша поторопился и метнул копье раньше Александра, лишив тем самым удачного выстрела самого царя. За это Гермолай был высечен на глазах остальных товарищей и лишен лошади. Отметим, что это было характерно для практики наказаний пажей. Сам Курций говорит о том, что никто не смел наказывать пажей розгами, за исключением самого царя (*Curt.*, VIII, 6, 5). Наказание пажей путем порки было давним обычаем, осуществляемым еще древними царями, поэтому считалось обычным делом [6, p. 262]. Оскорбленный юноша решил отомстить царю и убить его. Он вовлек в свой замысел не только своего любовника Сострата, но и подговорил других приятелей организовать убийство царя (*Curt.*, VIII, 6, 8; *Arr. Anab.*, IV, 13, 2-3). Таким образом, случай с охотой рассматривается античными авторами в качестве повода – личной обиды Гермолая на царя.

К участию в своем замысле Гермолаю удалось привлечь еще пять человек: Сострата, сына Аминты, Антипатра, сына Асклепиодора, Эпимена, сына Арсея, Антикля, сына Феокрита, Филоту, сына Карсида (*Arr. Anab.*, IV, 13, 4; ср. *Curt.*, VIII, 6, 9). Курций упоминает Никострата, что, вероятно, было искажением имени «Сострат»; Асклепиодора, отца Антипатра, чье имя было спутано автором и также явилось ошибкой; и неизвестного Элаптония [12, с. 36-37]. Именно эти юноши, о которых нам ничего неизвестно до настоящего заговора, составили целую группу заговорщиков-единомышленников. С.И. Ковалев считает, что помимо этих юношей, прямо указанных в источниках, к заговору могли присоединиться и другие сообщники-пажи [12, с. 37]. Таким образом, круг соучастников может быть расширен.

Встает вопрос: почему личное оскорбление Гермолая, если оно таковым для него было, привлекло других пажей? Конечно, к такому серьезному действию, как убийство царя, не могли прийти без объективных предпосылок. По-видимому, настоящие мотивы заговора лежали значительно глубже, чем личная причина Гермолая. Между царем и приближенными давно существовала пропасть непонимания, и имелось достаточно поводов для недовольства. Во-первых, заговор «пажей» стал выражением недовольства против навязанной царем восточной политики и против абсолютизма Александра: укрепляя свою власть на завоеванных владениях, Александр предпочитал считаться с местными нравами. Царь не только прибег к обожествлению, но и стал широко использовать и даже вводить в повседневный быт восточные традиции. И, конечно, никем не были забыты убийства царем своих приближенных – Пармениона, Филоты, Клита [13, с. 232; 9, p. 292]. Парменион был представителем старомакедонской знати, занимал важное место еще при отце Александра – Филиппе II, став его надежным помощником и значимым генералом [1, s. 298]. После смерти Филиппа он активным образом поддержал сторону молодого царя Александра. Однако в ходе восточного похода у него с Александром выявился ряд противоречий по военно-стратегическим и политическим вопросам. Сын Пармениона – Филота – занимал пост начальника македонской конницы, стоял на одном из ведущих и передовых мест в македонском войске, естественно, после самого Александра и своего отца [1, s. 393]. Известно, что он позволял себе критику в адрес молодого царя, был резко недоволен его восточным курсом. Узнав о таких настроениях приближенных, Александр действовал

решительно, дабы обезопасить себя. Что касается участи Филоты и Пармениона, то они были привлечены к соучастникам заговора Димна, организованного еще в 330 г. до н.э. Александр руководствовался здесь политическими просчетами и соображениями, потому и жестоко расправлялся с любым проявлением оппозиции. Тогда как с Клитом, который после устранения Филоты принял командование над конницей гетайров вместе с Гефестионом, у царя произошла острая ссора на пиру в Маракандах в 328 г. до н.э., вследствие которой Клит был заколот. Так, все эти события вместе с восточной политикой Александра и вызвали возмущение пажей, именно поэтому они поддержали идею заговора.

Юноши составили целый план действий: договорились убить Александра ночью, когда все из числа заговорщиков будут стоять в качестве стражей у покоев царя. Курций отмечает, что путь к поставленной пажами цели был нелегко, так как пришлось ждать 32 дня, пока всем выпадет дежурство в одну ночь и закончатся прочие приготовления (*Curt.*, VIII, 6, 10-11). Однако в запланированную ночь Александр пировал с приближенными вплоть до самого утра (*Curt.*, VIII, 6, 12-15; *Arr. Anab.*, IV, 13, 5-6). Античные авторы объясняют, что Александра уберегла от гибели одержимая божеством сириянка, убедив царя остаться на пиру (*Curt.*, VIII, 6, 16). Спонтанное пророчество было знакомым явлением для Ближнего Востока [2, р. 96]. Очевидно, сириянке удалось выполнить свою задачу, так как Александр, считая это божественным указанием, остался на пиру. Впоследствии, как пишет Арриан, сириянка получила признание при дворе, и Александр приблизил эту девушку к себе. На рассвете, когда закончился пир, в караул встали другие стражи, сменившие заговорщиков. Таким образом, юношам не удалось осуществить свой план.

О раскрытии заговора и Арриан, и Курций передают, по-видимому, со слов одного источника. Один из участников, Эпимен, посчитал весь замысел провалившимся. На следующий день он рассказал обо всем своему другу Хариклу, сыну Менандра. Тот же поделился сведениями с братом Эпимена – Эврилохом. В дальнейшем о Харикле нам ничего неизвестно [1, с. 407]. Уже Эврилох доложил суть дела телохранителю Александра Птолемею Лагу, который, в свою очередь, обратился к царю (*Arr. Anab.*, IV, 13, 7). В рассказе Курция отсутствует третий человек в виде Харикла, у него уже сам Эпимен рассказал обо всем своему брату Эврилоху (*Curt.*, VIII, 6, 20). В обеих версиях ключевая роль оставалась за Птолемеем. Как бы то ни было, заговорщики были схвачены, допрошены и при этом подверглись пыткам. Сведения Арриана скудны и неизвестно, что могли рассказать другие пажи. Это затрудняет реконструировать последовательность дальнейших событий.

Заметим, что Гермолай единственный предстал перед судом с речью: по утверждению Арриана, сославшегося на Аристобула и Птолемея, Каллисфен был назван инициатором заговора (*Arr. Anab.*, IV, 14, 1). Подчеркнем, что сведения Арриана являются апологетическими, с целью защитить и оправдать Александра. Поэтому мы не склонны здесь разделять его мнение. При этом Арриан указывает, что Александр уже давно потерял доверие к Каллисфену, в результате чего не сомневался в участии того в заговоре. В традиции Плутарха Каллисфен назван не соучастником, а человеком, который толкнул Гермолая замыслить это преступление (*Plut. Alex.*, 55). При этом Плутарх указывает на письма Александра к Кратеру, Атталу и Алкете, в которых говорилось, что, находясь под пытками, ни один из заговорщиков не назвал Каллисфена. Эти письма Александра вполне заслуживают доверия [5, р. 155]. Истории Арриана противопоставлен рассказ Курция, который отрицает упоминание Каллисфена в числе заговорщиков (*Curt.*, VIII, 6, 24). Мы разделяем версию Курция, по которой заговор «пажей» представил Александру благоприятную возможность для мести, ведь Александр не забыл его недавний отказ выполнять обряд проскинесиса. Все источники подтверждают, что незадолго до вторжения в Индию Александр совершил попытку утвердить при македонском дворе персидский обряд проскинесиса, а это было решительным шагом в сторону ориентализации македонян. Обряд использовался персами в качестве личного приветствия, которое выражалось в совершении поклона своему господину. Подобное действие было неотъемлемой частью персидского этикета и означало высшую покорность. При этом персы не признавали своего царя богом. В

македонском церемониале такой ритуал рассматривался как чуждый. Хотя греки и македоняне знали, что проскинесис не означал божественность великого царя, тем не менее они считали, что такой поклон достоин только бессмертных и, более того, рассматривали исполнение проскинесиса, будь то персидскому царю или самому Александру, как унижение. Каллисфен, выступивший на пиру против введения проскинесиса, отныне считался во главе македонской оппозиции. Вероятно, открытие провалившегося заговора «пажей» действительно предоставило царю удачный случай для решительных действий против непокорного Каллисфена [9, р. 293]. Известно, что Каллисфен был сторонником свободомыслия и на своих занятиях высказывался о тирании, которую он, возможно, мог обращать в сторону Александра. Этого оказалось достаточно, чтобы обвинить Каллисфена в непосредственном влиянии на пажей [13, с. 234]. Конечно, Каллисфен как учитель имел на пажей немалое влияние, но маловероятно, чтобы он был идеологом оппозиции, инициатором или подстрекателем заговора против царя. Когда заговорщики были схвачены, Каллисфен не присутствовал на суде. Являясь греком в македонском лагере, он не имел права участвовать в суде и не мог выступить в защиту [7, р. 224].

У Курция Гермолай произносит длинную речь, в которой, по сути, содержится программа македонской оппозиции. Это же выступление в краткой форме содержится и у Арриана. Поставленный перед собранием македонян, Гермолай был не в силах сдерживать свое накопившееся недовольство. О причинах, которые подтолкнули его к коварному замыслу, юноша ответил, что Александр стал обращаться с собственным народом как с рабами (*Curt.*, VIII, 7, 1). Здесь же в ситуацию вмешался его отец Сопол, как пишет Курций, однако Александр прервал взволнованного отца и дал Гермолаю продолжить свою речь (*Curt.*, VIII, 7, 2-3). Он перечислил все, по его мнению, несправедливые действия царя, а именно безвинную казнь Филоты и незаконное убийство его отца Пармениона, а также убийство Клита в состоянии опьянения. Исходя из сведений Курция, к числу пострадавших нужно отнести также Атгала и Александра Линкестийского (*Curt.*, VIII, 7, 4-6). По словам юноши, именно те приближенные, которые были жестоко убиты царем, принесли ему славу и победу. На этом осуждаемый не остановился. Он также выразил свой протест по случаю введения персидской одежды, нового обычая проскинесиса, отречения от своего отца Филиппа, к тому же он осудил постоянные царские увеселения (*Curt.*, VIII, 7, 12-13; *Arr. Anab.*, IV, 14, 2). Все это, по словам Гермолая, невозможно было больше переносить, именно поэтому он решил освободить себя и остальных македонян.

Александр не только выслушал эту речь, но и дал ответ на выдвинутые обвинения (*Curt.*, VIII, 8, 1-19). Он говорил, что превознося Пармениона и Филоту, Гермолай будто пытался оправдать себя; Александр Линкестийский, как и Клит, виновны были сами в своей гибели. Атгал же, по словам Александра, был ему врагом до занятия престола. Таким образом, македонский царь лишь защищал себя от противников. Относительно своей новой политики он ответил, что невозможно управлять таким огромным государством без взаимного синтеза культурных традиций. Отметим, что весь этот обмен речами вряд ли мог произойти [12, с. 38]. Вероятно, это нужно считать лишь творческим приемом Курция, где трактуется сущность и обоснование осуществляемой Александром восточной политики. Ф. Шахермайр также считает сообщение Курция здесь преувеличенным [13, с. 230]. В целом описание Курцием настоящего процесса полно различными деталями, но вместе с тем оно не лишено противоречий, поэтому к сообщаемым им сведениям следует относиться с особой осторожностью. Речь Гермолая скорее показывает нам враждебную историографическую традицию по отношению к Александру, которая была особенно выражена у Курция.

В конечном итоге все действительные участники заговора были осуждены и побиты камнями (*Arr. Anab.*, IV, 14, 3; *Plut. Alex.*, 55). Что касается Каллисфена, то в его смерти был виноват только Александр [3, р. 247]. Источники не объясняют, почему царь обвинил Каллисфена, когда у него не имелось веских доказательств его вины. Но он был также осужден как заговорщик. Птолемей говорит, что Каллисфен был повешен после пыток; Аристокл утверждает, что он умер в заключении от болезни; Харес рассказывает, что

историограф умер через 7 месяцев после ареста (*Curt.*, VIII, 8, 20-21; *Arr. Anab.*, IV, 14, 3). Вопрос о гибели Каллисфена остается открытым.

Рассмотренные нами источники не приходят к однозначному определению степени вины Каллисфена в заговоре. Арриан уклоняется от оценки событий, пытаясь ограничить значение эпизода личной мстью; Плутарх винит во всем самого Каллисфена, ставшего жертвой собственной неводержанности; Курций же осуждает Александра за убийство благородного человека, рассматривает заговор как политическое событие; Юстин кратко замечает, что Каллисфен и многие знатные юноши были казнены под видом заговорщиков. Однако примечательным является то, что ни Гермолай, ни другие юноши не упомянули имени Каллисфена ни на судебном разбирательстве, ни при пытках как причастного к покушению на жизнь царя [11, с. 87; 8, р. 111; 9, р. 294]. В связи с отсутствием доказательств, которые бы непосредственно указывали на участие философа в заговоре «пажей», нужно заключить, что Каллисфен не был причастен к этому замыслу [12, с. 41-42].

Чем можно объяснить его причисление к заговорщикам? Скорее всего, Александром двигало здесь чувство гнева и мести, вызванное недавним отказом приближенного выполнять обряд проскинесиса. Как уже говорилось, Каллисфен откровенно осудил попытку ввести обряд проскинесиса. Дело показало, что всякий, кто бросал царю вызов, не мог получить более искупления. Потому придворный историограф потерял доверие царя, и с раскрытием заговора юношей его легко можно было включить в список соучастников, чем, собственно, царь и воспользовался. У Каллисфена имелись тесные контакты с пажами, поэтому его легко было обвинить в измене [10, р. 235]. Александр, вероятно, сам осознавал, что Каллисфен не был причастен к делу, но в целом исходил из того, что тот мог привлечь на свою сторону таких же недовольных македонян, которые были враждебны политике ориентализма. Сплоченные общей идеей, впоследствии они могли выступить с оппозицией Александру.

Заключим, что заговор «пажей», организованный весной 327 г. до н.э., целиком и полностью провалился. Это и было понятно изначально: молодые юноши не имели четкого плана действий, если бы им удалось совершить убийство Александра. Наверняка они полностью этого не понимали, как и не осознавали серьезность своих действий с вытекающими последствиями. Следует помнить, что заговор произошел через несколько месяцев после убийства Клиты Черного и вскоре после дела с проскинесисом. Вместе с личной враждебностью здесь соединилась враждебность политическая [4, р. 230]. Юноши рисковали своими жизнями и, подобно Клите, они выступили против царских нововведений. Заговор «пажей», возникший при дворе македонского царя, вероятно, был самой большой угрозой для жизни Александра, хотя он и не пострадал. Оппозиционное движение Александру на этом не заканчивается. Сопrotивление царской политике в македонском лагере будет все более нарастать, причем не только среди аристократии – в конечном счете к выступлению выйдет уже целая армия.

Литература

1. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. II. München: Beck, 1926.
2. Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Commentary on Books IV-V. Oxford, 1995.
3. Brown T.S. Callisthenes and Alexander // *The American Journal of Philology*. Vol. 70, No. 3, 1949. P. 225-248.
4. Carney E. The Conspiracy of Hermolaus // *The Classical Journal*, Vol. 76, No. 3, 1981. P. 223-231.
5. Hamilton J.R. Plutarch, Alexander. A Commentary. Oxford: Clarendon Press, 1969.
6. Hammond N. G. L. P. Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during the Period of the Temenid Monarchy // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, Vol. 39, No. 3, 1990. P. 261-290.

7. Heckel W. King and "Companions:" Observations on the Nature of Power in the Reign of Alexander // Brill's Companion to Alexander the Great / Ed. By J. Roisman. Leiden and Boston: Brill, 2003. P. 197-225.
8. Heckel W. The Conquests of Alexander the Great. Cambridge: University Press, 2008.
9. Nawotka K. Alexander the Great. Cambridge: Scholars Publishing, 2010.
10. Worthington I. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford: University Press, 2014.
11. *Ковалев С.И.* Александр Македонский. Л., 1988.
12. *Ковалев С.И.* Заговор «пажей» // ВДИ. 1948. – №1. – С. 34-42.
13. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский / Пер. с нем. – Москва, 1984.